

— Никто, кроме нас! Российский спецназ! —

СЕРГЕЙ

Зверев

**АРАВИЙСКИЙ
РЕЙД**

Сергей Зверев

Аравийский рейд

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Аравийский рейд / С. И. Зверев — «Научная книга», 2010

ISBN 978-5-699-41006-4

Российский танкер «Тристан» уже захватывался сомалийскими пиратами – примерно год назад. Тогда судно выкупили, однако загадочные события, происходившие на борту «Тристана» во время его захвата, навели спецслужбы на мысль о том, что в команде тайно работает агент пиратов. ФСБ подготовила спецоперацию, к которой привлекла майора спецназа ВДВ Глеба Говоркова и двух его сослуживцев. Их цель – найти и обезвредить «крота». Но кто он и действует ли он в одиночку? Спецназовцам придется решить сложную задачу, в которой все составляющие неизвестны... Книга также выходила под названиями «Отчаянные парни» и «Небесное братство».

ISBN 978-5-699-41006-4

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Часть II	21
Глава первая	21
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Аравийский рейд

Несмотря на усилия мирового сообщества по обеспечению безопасности плавания судов в акватории Аденского залива, деятельность сомалийских пиратов резко активизировалась. По сведениям Международного морского бюро, в 2008 году пираты совершили более восьмидесяти нападений на иностранные суда у африканского побережья. Одиннадцать судов вместе с экипажами, насчитывающими в общей сложности около двухсот человек, по-прежнему находятся в руках пиратов.

Часть I Отпуск

Глава первая

Российская Федерация

Граница Чечни и Дагестана

Мы трясемся на стареньком «УАЗе» по проселку.

Мы – это три офицера спецназа и молодой водила со странной фамилией Куцый, учтиво помалкивающий и не отрывающий взгляда от ужасной кочковатой дороги. Я назначен командовать группой и сижу рядом с Куцым. Почему я? Наверное, потому что немного постарше своих друзей, имею побольше опыта. О серьезности и уме речь не идет – тут я ничем от них не отличаюсь.

Мыслей в голове почти нет: на днях собирался в отпуск и даже успел подать по команде рапорт. А тут на тебе: подъем по тревоге, постановка задачи; хлесткий приказ сродни пинку под зад и... на операцию. Вот и сижу, тупо слушаю препирательства товарищей.

– Сначала ты работаешь на авторитет, а потом авторитет работает на тебя. Чего тут непонятного, Стас?! Это ж как дважды два...

– Валера, ты прям как замполит чешешь! Или воспитатель. Лучше прямо скажи: чтобы побольше своровать, нужно сначала создать себе репутацию честного человека.

– Вот и поговори с ним.

– Мы не говорим, мы спорим! А в спорах рождается истина.

– И погибает дружба, – отворачивается и смотрит в окно Торбин; желваки на его скулах то набухают, то «сдуваются».

– Да, со мной непросто, – не унимается Стасик, – а с кем просто? Кто из нас сахарный?..

Нет, дружба между нами не умрет никогда – я в этом убежден. Майор Валерий Торбин необидчив и чрезвычайно уравновешен для своих неполных тридцати годков. Благодаря своей обстоятельности, невозмутимости и незлобивой натуре он не заполучил в бригаде кличку, а так и остался для всех «Валерой». Не пройдет и минуты, как он снова улыбнется и заговорит о чем-то нейтральном – будто и не было разногласий со Стасом. Да их и на самом деле не было. Просто в начале пути мы с Торбиным в очередной раз пытались внушить нашему молодому приятелю элементарные истины, которые до его мозгов отчего-то упорно не доходят. Капитан Стас Величко (или проще – Велик) молод в сравнении с нами – ему всего двадцать семь. Но, к сожалению, он и рассуждает как школьник из младших классов. Ну, рассуждает-то ладно – это малая толика беды. А большая ее часть состоит в том, что он частенько и поступает сообразно поведению взрывной малолетки.

Мы дружно трясемся на кочках, а меня еще потряхивает от смеха:

– Нет, Стасик, никогда ты не станешь майором.

– Напугал! Вы оба – майоры, и что с того?! У каждого в собственности отдельная квартира? У вас достойные оклады? Жизнь устаканена и все путем?..

М-мдя. Тут засранец, безусловно, прав. Своими окладами довольны только святые на иконах. А качество нашей жизни от количества звезд на погонах не меняется; разве что ответственности становится больше да седины в шерсти прибавляется...

«Уазик» жестко тряхнуло на ухабе; Торбин выдавил гласный звук, поморщился, помассировал ладонью колено.

– Побаливает? – мгновенно забывает об иронии и размолвке Станислав. – Ладно, не отвечай... и так вижу. Вот суки гребаные! Неймется им!

Это он о бандитах. Вернее, о тех недобитках, что изредка совершают убийства или дерзкие нападения на представителей местной власти.

Валера отмахивается:

– Ерунда. Поджигает – скоро забуду...

В последнее время ему жутко не везет на ранения – чуть не каждая командировка заканчивается госпиталем. То пуля, то осколок, то контузия. Три месяца назад вернулся из московской клиники, где по частям собирали его правое бедро; отгулял отпуск, прошел медкомиссию и снова в строй. Вообще-то насчет «не везет» – это большой вопрос. Если бы действительно не везло, то давно бы уже не было нашего Валерика. Ведь как у нас поговаривают: «Где заканчивается полоса неудач, начинается кладбище». А он жив, здоров и весел. К тому же с хорошим аппетитом и с завидной эрекцией на молоденьких баб.

– Глеб, нам еще долго? – канючит Велик.

Молчу. На его капризно-провокационные вопросы лучше не отвечать. Тишина и глухота быстро излечивают Стасика от детского любопытства.

Опять подпрыгиваем на ухабах. Мысленно представляю, каково нашим парням в кузове «Урала». Многозначительно поворачиваю голову и в упор смотрю на бледно-прозрачное водительское ухо, розовеющее прямо на глазах. Ага, значит, рядовой по фамилии Куцый все прекрасно понял. Это хорошо, когда тебя понимают без слов. «УАЗ» сбавляет скорость и аккуратно перемещается по набитой колее.

Майский денек радует горячим солнцем, безветрием и сочной зеленью. Глядя на очнувшуюся от зимней спячки природу, даже не верится в близость смерти.

А вот и долина, по дну которой петляет условная граница между Чечней и Дагестаном. Сейчас грунтовка неровной змейкой устремится вниз, и взору откроется горное селение, обособившееся на пологом западном склоне.

– Встречают, – тихо оповещает Торбин. В голосе слышится усталость, безнадега.

Всматриваюсь в точку, где дорога сходится с селом. Далеко не сразу узнаю контуры нескольких машин на обочине и рассыпанные по склону крохотные фигурки людей.

Натягиваю на ладони перчатки.

– Ну и зрение у тебя, Валера!..

* * *

Вокруг села толчется народ в касках, бронежилетах, в руках – новенькое оружие. Ясно – паркетные войска. Рядом с большим автобусом кучка ментов судачит на кавказском языке. У троих на коротких поводках ротвейлеры. Толстые, без эмоций – сидят себе и улыбаются. Похоже, они для виду ротвейлеры, а на самом деле – консультанты по наркоте или вообще работают в полиции нравов. Не понимаю: за каким хером для ликвидации небольшой банды сгонять половину республиканской милиции?! Для отчета?..

На месте операцией руководит полковник – какой-то пятый или пятнадцатый (точно по рации не расслышал) заместитель министра внутренних дел небольшой кавказской республики.

Что делать, приходится блюсти этикет. Всматриваю в толпе главную, близкую к небожителям личность...

Вот она! Надменная, знающая себе цену.

Подхожу. Вяло козырнув, докладываю:

– Майор Говорков. Прибыл с группой для оказания помощи по ликвидации...

Полковник перебивает, выговаривая слова с легким кавказским акцентом:

– Сколько у тебя бойцов?

Для войны он староват – под шестьдесят, не меньше. Грузная фигура с нависающим над поясным ремнем пузом; усталое лицо, покрытое багровыми пятнами; седая шевелюра, выбивающаяся из-под форменной кепки. Левая рука висит неподвижно; правая сжимает портативную радиостанцию и нервно прыгает вверх-вниз, словно дирижирует военным оркестром.

– Двадцать пять вместе с тремя офицерами, – киваю на выпрыгивающих из кузова грузовика бойцов.

Парни держатся уверенно: складывают ранцы в кучку, кидают за спину автоматы и налегке отходят в сторонку – перекурить.

– Идем, вкратце обрисую обстановку, – увлекает меня полковник к черной иномарке.

Вот и настал наш черед вникать в премудрости безумного замысла. На капоте разложена карта; два угла прижаты камнями, третий – мегафоном, а на четвертом лежит внушительная ракетница. Чуюк наклоняюсь, чтоб лучше рассмотреть художества местных наполеонов...

Отлично! Так и есть – объект отмечен черным крестом, а вокруг роятся красные стрелки. Ну, точь-в-точь Сталинградская битва!

Ладно, пора поубавить сарказм и включить соображалку. Незаметно вздыхаю и вслушиваюсь в приглушенный голос полковника...

– Предположительно, четверо бандитов захватили и удерживают двухэтажный дом по центральной улице, – скользит пухлый палец по кривому кварталу. Затем меняет направление и описывает окружность: – Район оцеплен сотрудниками республиканского МВД. Мы успели создать два кольца оцепления. Здесь и здесь.

Смотрю на дувалы и возвышающиеся за ними крыши крайних домов.

– Кто постреливает?

– В основном боевики. Мои ребята только отвечают – я выдвинул из первого кольца оцепления десяток сотрудников с автоматами. На всякий случай...

– А что с заложниками? Командование сообщило мне о трех или четырех гражданских лицах, удерживаемых внутри захваченного дома.

Лицо полковника меняется. Он подается вперед и приглушенно уточняет:

– На самом деле никаких заложников нет. Этот дом принадлежит одному из бандитов – в нем проживает вся его семья.

«И что?» – гляжу в упор, не моргая.

– Короче говоря... – мнется чиновник, – короче говоря, нас мало интересуют его родственники, и если после штурма там окажутся одни трупы, то... то с вашей группы спроса не будет. Ты меня понимаешь, майор?..

«Э-э нет, полковник, так не пойдет! Я, конечно, где-то слышал фразу уважаемого товарища Чингисхана: «Мало быть первым. Нужно, чтобы все остальные сдохли!» Но это ты сейчас, товарищ заместитель республиканского министра, такой решительный и смелый – один на один со мной. А дойди дело до правозащитников и судов – тебя сквозняком сдует. Откажешься и отречешься от всего, что здесь было, есть и будет. Оттого и осторожничаешь: мордой по стономам вращаешь и на ухо шепчешь, чтоб ни одного случайного свидетеля не объявилось».

– Извините, полковник, но по поводу гражданских лиц у меня имеется приказ, подписанный более высокой инстанцией. Игнорировать его я не имею права.

Кавказец явно недоволен, но мне уже не до него – задаю следующие вопросы. Кое-как разрулили.

– Капитан Величко! – окликаю друга.

– Я, – неохотно поднимается тот.

– Построй личный состав.

Стасик опять ворчит:

– Здрасте, приехали. Мы чокнутые и готовы на все. Зовемся спецназом...

Ворчит, зараза, но приказ выполняет. Такой вот неисправимый балбес...

Наконец бойцы стоят двумя неровными шеренгами. Величко командует и докладывает мне о построении группы. Коротко рисую обстановку, показываю любезно предоставленный полковником поэтажный план здания, ставлю задачу. Делимся на три отряда и в сопровождении местных офицеров милиции выдвигаемся с трех сторон к цели.

Хорошенько изучаю объект с нескольких ракурсов на предмет всякой мелочи и неучтенной полковником хрени. Изучаю долго и придирчиво, чтобы потом не материть себя за неоправданные потери.

Штурмовать миниатюрные дворцы нам доводилось, поэтому знаю: работать предстоит быстро, постоянно координируя действия по радио.

По моей команде снайперы плотно обрабатывают окна, заставляя всех любопытных тренироваться в передвижении на четвереньках; старенький милицейский БТР пыхтит, готовясь протаранить массивные ворота. В это же время парни в шлемах и масках подбираются как можно ближе к особняку – на дистанцию прицельного броска гранаты.

Осматриваю позиции отрядов в бинокль.

Отлично. Все готово.

Подношу к губам микрофон рации и командую:

– Начали!

И мы начинаем...

Но, увы, операция пошла не так гладко, как хотелось бы.

Во-первых, боевиков оказалось в два раза больше, чем предполагали сотрудники местного МВД. Во-вторых, не шибко компетентный полковник рьяно занимался оцеплением, вместо того чтобы помешать бандитам в организации обороны особняка и прилегающих к нему строений.

Это не сенсация и не новость – я готов к такому повороту событий. Сейчас простого дурака-то не встретишь – все с высшим образованием, с академиями и при должностях. Вот только дерьма потом многовато за ними разгребать.

В результате допущенных полковником ошибок я с парнями получаю довольно грамотную позицию противника – каждый сектор подхода простреливается с двух-трех точек, подавить которые моим снайперам не удастся. А в довершение к этим несчастьям сплоховал и водила: бэтээр резко дернул носом и заглох, оставив ворота целехонькими.

Приказываю временно отойти и посчитать потери.

Через минуту слышу доклад: убитых и раненых нет. И то слава богу...

– Ладно, – озадаченно пыхаю сигаретой, выглядывая из-за бэтэера. – Когда над тобой смеются – не страшно. Гораздо хуже, когда над тобой плачут.

Нажав клавишу «передача», прошу друзей-офицеров подобраться ко мне для короткого совещания...

* * *

Поднимаю народ на повторный штурм. Мои ребята подбираются к забору и с приличного расстояния забрасывают шумовыми гранатами окна второго этажа, откуда периодически постреливает «дух». Взрывы гранат служат сигналом для второй и третьей групп.

Дружно сыплются стекла, из окон валит дым. Бойцы Торбина должны закидать такими же гранатами здание с другой стороны. Следом Величко & К° атакует небольшую пристройку, из которой бьет короткими очередями парочка обкуранных придурков. Ну а задача горе-водители остается прежней: проделать бэтээром в заборе брешь для облегчения нашей задачи.

То тут, то там раздаются резкие хлопки, звучат ответные выстрелы, особняк тонет в дыму. Бэтээр натужно урчит движками и, поелозив колесами в белесой пыли, врежется в витой чугун, потом отползает назад для следующего удара. Стрельба, взрывы, грохот, мат...

И вдруг во всей этой кутерьме отчетливо слышится истошный вопль женщины.

Снова заминка. Валера Торбин с частью своих бойцов уже внутри первого этажа и тоже притих, затаился. Видать, почуял резко изменившуюся обстановку. Молоток! Он всегда был умницей.

Дымок понемногу рассеивается. За каменным парапетом лоджии мечется женщина с ребенком на руках; за ней виднеется мужская фигура.

Поднимаю бинокль. Так и есть: бандит приставил к голове бабы пистолет и что-то нам кричит. Впрочем, его требования понятны и без переводчика.

– Я же тебе говорил! – раздается у меня за спиной. Помимо ноток раздражения в голосе полковника слышится призыв к действию – к решительному и жесткому действию: – Чего с ними церемониться?! Они там все заодно!..

Может, и заодно. Да только мы этого не докажем.

Кивая сидящему неподалеку снайперу: «Давай-ка, браток, приступай». Браток прилаживает поудобнее на рукояти правую ладонь, пристально смотрит сквозь оптику...

И внезапно вместе со мной втягивает голову в плечи – где-то справа от нас бухает выстрел, а через мгновение второй этаж особняка содрогается от взрыва. Опять все заволакивает дымом, опять крики, стрельба, женские вопли...

Что за черт? Кто разрешил херачить гранатометом?! Там баба с ребенком! А на первом этаже мои люди!!

Пожираю озверевшим взглядом пространство. Шагах в десяти от бэта сидит на корточках мент в броннике и каске; рядом старенький РПГ. А сзади потирает руки довольный полковник.

Вот упырь! Набираю в легкие воздуха, чтоб отматерить уродов, но в нагрудном кармане «лифчика» шипит рация.

– Глеб! Какой мудака там долбит?! – открытым текстом возмущается Торбин.

– Я позже тебя с ним познакомлю! Все целы?

– Все, кроме одного.

– Продержитесь пару минут!

– Попробую. Только не тяните – нас тут маловато...

Страх ухватил меня за мошонку всей пятерней с накладными ногтями. Вместе с Валерой на первый этаж особняка успело прорваться человека три – не слишком много, с учетом неустановленной численности противника. Один держит лестницу на второй этаж, второй караулит вход в подвал, третий, со слов Валеры, ранен. Если опоздаем или в горячке дадим маху, то...

Срываюсь и увлекаю за собой группу; в ход опять идут шумовые гранаты. Стреляя на ходу по окнам, добежал до фасадной стены особняка.

Притормозил, присел на колено, осмотрелся. И опять пригибаю башку от бухнувшего сверху взрыва.

Кручусь, постреливаю по окнам пристройки и ору в микрофон рации:

– Стасик, обозначь место!

– Туточки я! Последнего козла бородатого на суд к Аллаху отправил.

– Отлично. Дуй к бэтээру и исправь щенку прикус, пока нас плитами не накрыло от взрывов!

– Которому? Там их много!

– Тому, что из гранатомета долбит.

– Понял, командир! Эт я запросто!

Порядок. Даю команду шестерым остаться снаружи для прикрытия; помогаю последнему бойцу запрыгнуть внутрь здания через вынесенное окно и ныряю туда сам.

По негласному правилу отправляем на небеса всех боевиков, кроме одного – того, которому суждено общаться со следствием и на которого потом «спустят всех собак».

Баба тяжело ранена; ребенок от осколков уцелел, но прилично контужен – из ушей течет кровь. А в пристройке мои парни нашли старика – живого и здорового.

Осматриваем последние закоулки. Оказываем помощь женщине и ребенку. Затем отряхиваемся от пыли, считаем потери. У двоих пулевые ранения. Неопасные, но желательно поскорее доставить их в госпиталь.

– Кто из твоих ранен? – подхожу к сидящему на корточках Валерке.

Тот поднимает растерянный взгляд. Замечаю в его кулаке скомканный окровавленный бинт.

– Ты?! – присаживаюсь рядом. – Господи, тебя опять задело?!

Задело. И прилично. В крови вся камуфляжка на правом боку.

Рву обертку пакета и помогаю остановить кровь. А сам ворчу:

– Мля, что же это такое?! Валера, тебя ни на минуту нельзя оставить!.. Как намагниченный...

– Это точно, – кривится он от боли.

– Идти сможешь?

– Обижаешь, начальник.

Торбин с трудом поднимается и, согнувшись, делает шаг-другой...

– Ну-ка, донесите его до нашей машины! – приказываю ребятам.

Те живо подхватывают майора и аккуратно транспортируют в салон «УАЗа».

* * *

Полковник бежит вокруг двух ментов, ползающих по траве и растирающих по мордам кровавые сопли. Бежит, сумбурно взмахивает короткими ручками и визгливо вскрикивает:

– Ты мне за это ответишь, наглец!

– Пошел в жопу, – вяло огрызается Велик.

– Что ты себе позволяешь, капитан?! Я напишу рапорт вашему командующему!

– Засохни, плесень, – вразвалку топает тот к машине.

– Клянусь, я сегодня же приму меры!..

– Строчи, принтер струйный...

Меньше минуты назад Стасик четко выполнил мою просьбу: начистил нух гранатометчику-самоучке. А следом «выключил» его коллегу, удумавшего постоять за корпоративную честь. Увидев окровавленного Валеру, хотел проредить резцы и полковнику, да я вовремя остановил, приказав «седлать коней и мчать аллюром в стойло».

У дымившегося особняка остались люди заместителя министра; скоро туда понаедут следователи, врачи и местное руководство. А нам там больше делать нечего. Я сухо распрощался с полковником и повелел водителям трогать...

Мы возвращаемся по той же проселочной дороге. Теперь Куцему не нужно напоминать или в упор таращиться на его бледно-прозрачное ухо – он и сам старается вести «уазик» плавно, а перед каждым ухабом сбрасывает скорость чуть не до нуля. Сзади колупается грузовик с остальными ребятами.

В общем-то, мы легко отделались: трое раненых для подобной операции – сущие пустяки. На заднем сиденье «УАЗа» полулежит Валерий – балдеет от укола сильного обезболивающего средства. Рядом копошится с бинтами Стас: подтирает кровоподтеки, меняет смоченные спиртом тампоны. И подбадривает товарища. А тот растягивает бледные губы в пьяной улыбке и подтрунивает над Величко:

– Эх, Стасик, Стасик... Здоровенный ты шкаф, а антресолька у тебя пустая. Пора бы тебе знать, что вежливость – это не только далеко послать, но и проводить.

«Шкаф» отмалчивается. Чешет кривой шрам на носу и отмалчивается. Как известно, неопределенность в таких случаях хуже самого строго наказания. Кто знает, во что выльется перепалка с полковником?

Да, жизнь – это пи...ц. Но не сразу, а постепенно...

Глава вторая

Российская Федерация

Ставропольский край, Нижний Новгород

С неурочной операцией на границе Чечни и Дагестана покончено. Можно вернуться мыслями и действиями к отпуску, напомнить командирам о наверняка забытом рапорте и потихоньку паковать вещички в дорожную сумку.

Настроение почти хорошее. «Почти» оттого, что несколько причин не позволяют в полной мере радоваться предстоящему мигу безмятежной свободы.

Во-первых, ранение Валеры Торбина оказалось не таким уж и легким. Пуля прошла сквозняком: под печенью основательно разворотила правую сторону кишечника и на вылете чудом миновала почку. Валеру перекинули вертолетом в военный госпиталь СКВО Министерства обороны. Я через день мотался на Герцена, 102 – навещал его, говорил с пожилым военврачом, обещавшим скорое выздоровление, доставал кое-какие лекарства. И даже познакомился с миленькой медсестричкой Ириной, частенько дежурившей в отделении. Да вот беда – здоровье моего товарища поправляется медленно.

Во-вторых, «полковник был большая сука», а также ябедой он был. После операции на нас троих изрядно насело начальство и помимо отчета об операции заставило накатать объяснительные. Мы изложили все как на духу: и о провокационном предложении «забыть во время штурма о заложниках», и о стрельбе из гранатомета, мешавшей штурмовать здание... Изучив нашу писанину, товарищи генералы в неофициальном общении выражали полнейшую с нами солидарность, однако ссориться с республиканским МВД не желали. И вскоре попросту решили разменять скромную фигуру капитана Величко. Мне об этом никто не докладывал и не доносил, но интуиция – великая вещь. Она упрямо подсказывала, что именно так и будет. В данный момент Стасик куковал на нарах окружной гауптвахты: отсыпался, почитывал книжки (чего раньше не делал), писал родне письма и морально готовился к самому скверному варианту – к увольнению из рядов Вооруженных сил. На душе скребли черные кошки, но помочь ему я был не в силах.

И наконец, в-третьих, радости поубавилось от необходимости идти в отпуск одному. Мы намеревались уехать из части одновременно; строили совместные планы на путешествие к теплему морю...

Через несколько дней подписанный рапорт благополучно вернулся в строевой отдел бригады. Я получил отпускной билет, воинские перевозочные документы и даже деньги за пару месяцев вперед, именуемые в нашей среде «отпускными».

Да, настроение приподнятое, однако мысли упрямо возвращаются к друзьям и свалившимся на них проблемам. Как скоро вылечится Валера? А излечившись, сумеет ли вернуться в строй? Что станет со Стасиком? Уволят или, поугав, отстанут?..

Билет на самолет лежит в моем кармане со вчерашнего дня. Скоро выходить из дома и мчаться в аэропорт, а я маюсь, не могу сосредоточиться и закончить сборы: то зачем-то бреду на кухню – «любуюсь» пустыми полками холодильника; то закуриваю и подолгу торчу у раскрытого окна. Наконец, укладываю поверх шмоток коробку с подарком для дочери, стягиваю тугую «молнию», закидываю ремень сумки на плечо. И, окинув прощальным взглядом скудное убранство служебной квартирки, с тяжелым сердцем выхожу за дверь...

Лайнер плавно отрывается от бетонки, убирает шасси и все дальше и дальше отдалается от земли. Пристраиваю затылок на мягком подголовнике, закрываю глаза. С наслаждением рисую картины долгожданной встречи с родственниками, коих у меня ровно трое. Нет, вообще-то их больше, но близких и по-настоящему любимых трое: мама, отец и пятилетняя дочь...

Супруга, вообще-то, имеется. Бывшая. Разошлись два с половиной года назад. Симпатичная, стройная, длинноногая. Но... Стасик однажды спросил:

– Ты как познакомился со своей женой?

Немного подумав, я ответил:

– Случайно. Морду за это, к сожалению, бить некому.

И этим, пожалуй, все сказано. Дочь она родила замечательную, а сама за нашу недлинную семейную жизнь изменилась до неузнаваемости. Однажды услышал мудрое изречение: «Мужское пристрастие к алкоголю порождается перевоплощением любимой женщины в стерву». Надеюсь, моя Юлька никогда не будет похожей на мать.

Кстати, Стас около года жил с одной телкой в гражданском браке. В память о «счастливом» времени у него и остался кривой шрам на носу. Мы долго с Валерой допытывались о природе его происхождения (не мог же он заполучить по носу осколком!), но Велик отмалчивался, отнекивался и хранил заветную тайну под семью печатями. А однажды, изрядно приняв спиртяшки, раскололся. В общем, грудь у его зазнобы была нулевого размера. Ну, то есть совсем нулевого – как у невинного дистрофика одиннадцати лет. В лифчики она тупо вшивала вату, а намеки и разговоры на данную тему пресекались в зародыше. Телевизионные каналы с грудастыми ведущими или косые взгляды на улице также состояли под категорическим запретом. Любое нарушение каралось скандалом, истерикой и глобальным битьем посуды. И вот как-то ночью опосля крепкой дружеской попойки Стасик приполз домой к подружке поздней ночью, упал в кровать и принялся ласково ее ощупывать... Худосочное сокровище в ответ замурлыкало, а он возьми и ляпни комплимент. Нормальный такой мужской комплимент – что-то вроде: «Как же я тащусь от твоей груди...» И тут же получил будильником по роже. Откуда ему было знать, что сокровище спит на животе? Такие вот нежности. Кровь потом из раскроенного шнобеля останавливали до утра...

Торбин тоже свободен от уз Гименея и разменивать в ближайшее время свободу на полтора сомнительных преимущества не намерен.

– Кругом одни принцессы с королевами и ни одной нормальной бабы, – считает он. И мы солидарны с другом.

Жаль, что рухнули наши планы: собирались втроем податься к тетке Стаса, живущей в Анапе – в трех кварталах от моря. А теперь... В Нижний я слетал бы по-любому – родню не видел целый год, но и расслабиться на побережье не помешало бы.

* * *

Итак, во всех метриках я значусь Глебом Аркадьевичем Говорковым. Рост сто восемьдесят пять, вес девяносто. Немного сутуловатый, но крепкий – с широкими покатыми плечами. Усталые, зеленовато-карие глаза, вокруг которых уже завязались мелкие морщинки, скорее излучают печаль по чему-то несбывшемуся, нежели тоскуют о потерянном. Майор спецназа ВДВ тридцати двух лет от роду. Окончил Рязанское десантное училище и загремел по распределению в морскую пехоту. Затем судьба бросала из гарнизона в гарнизон, с войны на войну – где я только не служил и с кем только не воевал. Отнюдь не ариец – уроженец Среднерусской возвышенности. В быту опрятен, с командирами вежлив, с коллегами и товарищами по работе выдержан, в бою решителен, к врагам Российской Федерации беспощаден. Связей, порочащих мои седеющие виски, не имел. Благодаря короткому, звучному имени на всех этапах своей жизни удачно избегал сомнительной чести отзываться на кличку. Так Глебом всегда и оставался: во дворе, в школе, в училище, в бригаде...

Приехали. Аэропорт Нижнего Новгорода. Спускаясь по трапу, вдыхаю полной грудью воздух и ощущаю в нем нечто неуловимо-восхитительное, дорогое и немного подзабытое. С

тех пор как я уехал учиться в Рязань, бывать в родном городе удастся не чаще одного раза в год. А жаль – здесь и родился, и прожил целых семнадцать лет.

Прошу таксиста остановить рядом со старым трехэтажным домом барачного типа. Подхожу к двери первого подъезда; задрал голову, долго смотрю на окошко во втором этаже. В той коммунальной квартирке обитал мой лучший дружок. Друг детства Славка. Взгляд медленно перемещается вниз и останавливается на прямоугольнике мемориальной доски, чьи торжественно-золотые буквы, выведенные на белом глянце, смотрятся нелепой насмешкой на обшарпанной и потрескавшейся стене, имевшей когда-то благородный бежевый оттенок.

– Прости, – шепчу я другу. – Прости за то, что тебя нет, а я до сих пор топчу землю.

Ладонь поднятой руки гладит холодный мрамор, а память с удивительной точностью воспроизводит Славкино лицо, походку, голос... И тот его долгий прощальный взгляд, когда он оставался в лесистой лощинке прикрывать отход основной группы.

Вздыхнув, направляюсь к новому супермаркету, недавно открытому в квартале от родительской хрущевки. Знаю, что моим старикам не до разносолов: оба пробатрачили на государство всю жизнь, а нынче еле выживают на две крохотные пенсии. Минут через сорок бреду по улице домой; к походному багажу в виде висящей на плече сумки добавились три увесистых пакета.

Прибыл. До боли знакомый двор с визгом резвящейся ребятни, второй подъезд серой невзрачной пятиэтажки. Лестница со щербатыми ступенями, исчищенные молодыми поэтами и художниками стены. Четвертый этаж, простенькая деревянная дверь под коричневым дерматином. Два коротких звонка, неторопливые шаги за дверью, щелчок замка.

И удивленно-обрадованное лицо папы...

Жизнь моего отца – Аркадия Сергеевича Говоркова – так или иначе была связана с грузовым портом Нижнего. В детстве проживал на Стрелке – по соседству с проходной; отслужив на Северном флоте, устроился в портовые мастерские, потом облачился в матросскую робу. Позже стал курсантом Горьковского речного училища имени Кулибина, где изучал специальность «судовождение». А получив диплом третьего штурмана, распределился на новенький речной сухогруз. Понемногу рос, мужал, приобретал опыт и через двенадцать годков стал капитаном буксира. Надеялся поработать на той калоше годик-другой и вернуться на большие суда. Ан нет – приворожил буксир непривередливой обстоятельностью, мощью, надегой. Так и остался Аркадий Сергеевич до пенсии на маленьких силачах.

Ну а мама – Галина Ивановна – тридцать лет трудилась на берегу, в плановом отделе порта.

– Никак еще выше стал! А плечи-то, плечи! Не обхватишь!.. – довольно гудит отец.

– Глебушка... Наконец-то приехал, сынок!.. – тихо плачет и приглаживает мои вихры мама. – Скоро совсем седой станешь. Ну, чего же мы толчемся в прихожей? Идемте в залу!

Все такие же. Суетливо-гостеприимные, готовые отдать единственному сыну последнее.

В радостном возбуждении проходим в зал; потрошу пакеты, извлекаю из сумки и передаю родителям подарки. Они смущены, но довольны. Мама тайком утирает слезы...

До позднего вечера сидим за столом. Рассказываем, вспоминаем... Мы с отцом пьем холодную водочку под обильную и вкусную горячую закуску; в иное время мама почти не употребляет спиртного и всячески ограничивает отца. Но сегодня все запреты сняты. Сегодня в нашей дружной семье праздник.

Господи, как же мне с ними хорошо! Как тепло и спокойно израненной душе!..

* * *

Утром наскоро завтракаю, сую под мышку коробку с шикарной куклой и отправляюсь к дочери. Поездка неблизкая, но время в предвкушении скорой встречи с Юлькой пролетает быстро.

Госпожа Мухина – бывшая супруга – в курсе моего намерения повидаться с дочкой. При разводе, дабы насолить мне хоть чем-то, она громогласно потребовала заранее извещать о визитах. Спорить и упираться не стал – мне нетрудно позвонить и сказать три слова.

Нажимаю кнопки домофона, в динамике звучит голос Юльки. Поднимаюсь, а она уже радостно прыгает на площадке перед лифтом. Подхватываю, прижимаю к себе и ощущаю тепло детских рук, обвивших мою шею.

– Ну, здравствуй, – раздается голос жены. Такой же надменный и вечно недовольный.

Бросаю беглый взгляд и равнодушно киваю. За прошедший год Мухина не помолодела: немного поправилась, изменила прическу и цвет волос; до цирюльника Зверева далековато, но верхняя треть лица замазана тушью. В целом она остается привлекательной особой, хотя мозгов вряд ли прибавилось. Наверное, мы, мужчины, сами виноваты в этой беде. В младших классах школы лупим симпатичных девочек портфелями по головам, а потом удивляемся: почему все красивые женщины – дуры?!

Я исправно выплачиваю алименты, а в конце каждого отпуска неизменно оставляю некую сумму для Юли. Чтоб она ни в чем не нуждалась, не испытывала проблем. Понятия не имею, как расходуются эти деньги, однако не в первый раз замечаю нетерпеливый алчный взор за пушистыми ресницами бывшей жены. Дескать, поскорее бы ты рассчитался и отчалил. Ты все такая же, муха моя зеленоглазая. Тупое ненасытное насекомое. Меркантильное и алчное до безобразия.

Ладно, плевать мне на нее – я приехал к дочери. Присаживаюсь на корточки и вручаю Юльке куклу. А после взрыва детских эмоций предлагаю погулять – погода сегодня выдалась преотличная.

Жена поводит плечиком: «Дело ваше». Юлька согласна на что угодно, лишь бы прихватить на прогулку чудесный подарок и побыть со мной подольше.

Спустя десять минут, взявшись за руки и позабыв о лифте, мы несемся вниз по ступенькам. Впереди целый день общения и свободы! На улице, не задумываясь, поворачиваем в сторону Большой Покровской – это наше любимое место прогулок. Шагаем по пешеходной зоне вдоль кремля, заходим во все подряд магазинчики, глазеем по сторонам.

Юлька без умолку делится своими детскими новостями, а заведя кафе с огромным ассортиментом мороженого, тянет за руку и по-свойски усаживается за столик...

Скоро устанавливается непривычная тишина – измазав губы и щеки, она светится улыбкой и с удовольствием уплетает любимое лакомство.

Мы счастливы.

Глава третья

Российская Федерация

Нижний Новгород

Сегодня понедельник. Юлька в частном детском саду, посещение которого обязательно, за исключением уважительных причин типа ветрянки, наводнения или просроченной оплаты. Приходится бродить по городу в одиночестве. С родителями пообщались всласть, сговорились с отцом на следующей неделе перебрать движок его раритетной «шестерки», а уж после взяться за капитальный ремонт кособокой дачной баньки.

А пока мне решительно нечего делать: отоспался, наелся маминых блинчиков, обновил гардероб одежонки... Погодка радует весенним теплом, и вскоре палящее солнце загоняет меня под зонтик уличного кафе с отменным видом на Стрелку. Озвучиваю полной круглолицей девице заказ: бараний шашлычок с зеленью и пару кружек темного пива. Это для начала, а там посмотрим.

Кружки под соблазнительными пенными шапками являются передо мною моментально. Неспешно потягиваю холодное пиво, наслаждаюсь дымком хорошей сигареты и любуюсь на темно-синюю рябь гигантского изгиба Оки, с покорностью отдающей свои воды во власть старшей сестрицы Волги. Изредка по-над речными просторами, подобно призракам, проплывают силуэты судов. Движение по реке едва теплится – не то что в былые времена, когда белоснежные пассажирские лайнеры тянулись бесконечной вереницей вдоль набережной и многочисленных городских кварталов.

Помимо армейской службы, я всегда интересовался судами и всевозможными двигателями. В детстве перечитал все книги о дерзких пиратах и храбрых адмиралах, о морских баталиях и опасных путешествиях. Поэтому и не расстроился, загремев после военного училища в морскую пехоту. Три года прослужил на Русском острове – носил тельник и черную форму с беретом; дважды мотался в дальние походы на больших десантных кораблях и, признаться, не пожалел. Издавна помогал отцу копаться в движках – сначала в мотоциклетных, позже в автомобильных. Изучил их устройство настолько, что за ночь в одиночку мог разобрать и собрать любой из трех десятков известных мне марок.

Виляя крутыми бедрами, девица несет долгожданный шашлык. Аккуратно ставит большую тарелку, подхватывает опустевшие кружки и собирается упорхнуть.

С нарочитой строгостью торможу:

– Барышня! Вы хотите заставить меня есть мясо всухомятку?!

– Еще пива?

– Конечно!

Интересно, почему под алкогольным градусом девушки кажутся красивее? Вероятно потому, что организм боится отравления и отчаянно пытается продолжить свой род.

Усмехаюсь пришедшей на ум догадке и принимаюсь за ароматный шашлык...

* * *

После сытного обеда решаю прогуляться по набережной: от Канавинского моста до речного вокзала. Бреду ленивой походкой и посматриваю влево – через Оку на Стрелку; с грустью созерцаю опустевший грузовой порт. Несколько ржавых судов приковано к причалам – верно, дожидаются отправки на металлолом. Портовые краны замерли, взметнув к небу мощные желтые стрелы, и неизвестно, суждено ли им очнуться от спячки. Похожая картина и у причалов речного вокзала...

Тяжко вздыхаю, пульнув в урну окурков. Помнится, была у меня заветная мыслишка связать жизнь после армии с речным флотом. А что? Прослужу в спецназе до сорока, сочиню душещипательный рапорт и отчалию подполковником на дембель. Сколько можно подставлять под пули башку?.. Вот и подумывал получить специальность механика в том же Речном училище имени Кулибина или в Волжской академии водного транспорта. После устроиться на какой-нибудь круизный лайнер и ходить в теплое время года от Москвы до Астрахани. Чем не замечательная профессия, учитывая то, что знаю двигатели как свои пять пальцев?..

Эх-х, мечты-мечты! Вряд ли им суждено сбыться. В нынешнее время на набережной можно просидеть полдня и не узреть на фарватере ни одного приличного судна. Все сгубили, все пораспродали. А что не распродали, то разворовали.

За невеселыми думками замечаю идущего параллельным курсом субъекта, с любопытством поглядывающего в мою сторону. Господи, и здесь покою нет от идиотов...

– Глеб, ты или не ты? – вдруг с сомнением произносит идиот.

– Ну, я, – отвечаю сердитым тоном. И замедляю шаг – лицо его кажется удивительно знакомым. Через секунду шепчу: – Серега?.. Ты?! Серега!!

– Что, братишка, вспомнил?!

Мы тискаем друг друга в объятиях. Серега Иноземцев – мой однокашник по Рязанскому училищу. Четыре года тянули лямку в одной роте.

– Вот так встреча! – трясую его руку. – Откуда ты взялся в Нижнем?

– Ну, как тебе объяснить?.. Служба.

– Служба? Не понял. Здесь же нет десантуры!

– Так я в десантуре-то прослужил всего ничего.

– Вот тебе раз! И куда ж потом завербовался?

Серега загадочно улыбается и вертит головой, будто чего-то ищет.

– Пошли где-нибудь посидим – водочки выпьем?

С готовностью соглашаюсь, помышляя вовсе не о водке. Черт... Вероятно, пиво придумали хозяева платных туалетов. Суки!..

* * *

На сей раз сижу за столиком небольшого ресторанчика на Рождественской улице и треплюсь о жизни со старинным другом. Он, оказывается, теперь величина – сотрудник Управления ФСБ по Нижегородской области, подполковник. И попал в эту серьезную структуру отнюдь не по блату, а после нескольких лет нелегкой службы в спецназе ФСБ. Орденов и ранений поменьше моего, но сути это не меняет.

– Из наших кого-нибудь встречал? – аппетитно хрустит Серега маринованным огурцом.

– Олег Марченко пытит в нашей бригаде. Лешка Таран пару лет назад перевелся в Псков комбатом. Илюха Жилин подорвался на mine в 2002-м...

Хруст затихает.

– Да, об Илье слышал. И о Витке Сушко, и о старшине нашей роты Костикове...

– А про Славу Зыкина знаешь?

– Про Славу? Нет...

– Погиб. Четыре года назад на границе с Грузией. Одну банду мы на перевале обложили и уничтожили, а из Панкисского ущелья на подмогу ей подошла другая. В нашей группе чуть не половина раненых – спуститься с перевала быстро не можем. Славка тогда был за старшего... В общем, приказал уходить, а сам с двумя пулеметами остался. Так вот...

Помолчали.

– Он же твой земляк, – негромко припоминает товарищ.

Опрокидываю в рот рюмку. Шарахаю доньшком об стол.

– Земляк. И лучший друг. Жили по соседству, учились в одном классе...

Выпили не чокаясь – помянули всех погибших товарищей. Опять помолчали, выкурили по сигарете.

– Значит, и родители твои в Нижнем? – прерывает Серега неловкую паузу.

– И родители. И деды с прадедами жили в Нижнем.

Разговор опять понемногу расходится. К девяти вечера уже выпито полтора литра водки; мама звонила на сотовый – спрашивала, когда ждать. Я незаметно посматриваю на часы: готовлюсь распрощаться с однокашником, договорившись как-нибудь встретиться еще.

Вдруг он задумчиво произносит:

– Отец – капитан буксира, сам три года служил в морской пехоте, а после дембеля мечтаешь устроиться на круизное судно?

– Да, все верно, – соглашаюсь, не понимая, к чему он клонит.

– Выходит, ты неплохо разбираешься в корабельной службе?

– Как тебе сказать?.. До профессионала далеко, но кое-что запомнил.

– Кстати, почему речной флот? Почему круизное судно?

– А куда же еще?!

– Ну... предположим, в нефтяную или в газовую компанию. Говорят, там сейчас самые «рыбные» места.

– Нефть, Сережа, в Тюмени копают. А у нас тут анисовый самогон.

– Да-да, согласен. Занятное совпадение, – опять бормочет Иноземцев, тащит из пачки очередную сигарету и щелкает зажигалкой.

Если бы я плохо знал Серегу, то принял бы эти бессвязные фразы и странные вопросы за пьяный бред. Однако наш Серега словами никогда не бросался, глупостей не вытворял. Да и в ФСБ кого попало не берут.

Следуя его дурному примеру, закуриваю и терпеливо жду внятных разъяснений. Он придвигается ближе, внимательно и долго смотрит мне в глаза. Я жду и делаю неожиданное открытие: а однокашник-то мой почти трезв.

– Послушай, Глеб, – едва слышно говорит он, – а ты не мог бы помочь в одном серьезном деле?

– Смотря в каком, – пожимаю плечами, ощущая нутром важность момента.

На столе вибрирует мобильник – опять звонит мама.

Иноземцев подсказывает:

– Скажи, что задерживаешься, – разговор долгий. А к полуночи я вызову машину и доставлю тебя к подъезду.

Коротко объясняюсь с мамой. Ведь уходил-то утром прогуляться, пообещав вернуться к обеду. Отключаю телефон и выслушиваю долгий обстоятельный рассказ приятеля о беспределе сомалийских пиратов в Аденском заливе.

– Подожди, – разливаю по рюмкам последнюю водку, – что-то я не пойму. Ну, есть такая страна в Африке – Сомали. Ну, промышляют там, в прибрежных водах, нехорошие парни. Это я все прекрасно понял. Вот только не понял – при чем тут Управление ФСБ по Нижегородской области? При чем тут ты? И при чем тут я?

Он поднимает рюмку, смеется; пьет одним махом, закусывает. Лицо его снова становится серьезным и трезвым.

– Дослушай до конца, Глеб, дело-то чрезвычайно важное. И очень опасное.

– Излагай.

Иноземцев излагает около часа. В половине двенадцатого устало откидывается на спинку стула и спрашивает:

– Согласен?

– Тебе сразу нужен ответ? Прямо здесь и сейчас?

– Желательно здесь и сейчас. Завтра наше управление должно определиться с исполнителем главной роли. Полагаю, лучше твоей кандидатуры нам не найти.

Мотаю головой, собираясь сказать «нет». И вдруг не совсем трезвый мозг рождает отличную идею. Точнее, целых две.

– Согласен, – твердо смотрю на Сергея. – Но у меня имеется одно условие.

Тот пускает к потолку тонкую струйку дыма и хитро улыбается:

– Выкладывай...

Часть II

Круиз в машинном отделении

Глава первая

*Российская Федерация
Нижний Новгород
(полтора месяца спустя)*

Ярким июльским днем от причала нижегородского судостроительного завода «Красное Сормово» готовился отойти новенький танкер «Тристан».

«Тристан» – универсальное судно, как говорится, три в одном: танкер, продуктовоз и химвоз. Он имеет солидный для класса «река – море» дедвейт в семь тысяч тонн и неплохую скорость эксплуатации в десять с половиной узлов. Удачные размеры, удовлетворяющие габаритам Волго-Донского судоходного канала и Волго-Балтийского пути. Усиленная морская функция и повышенная вместимость грузовых танков. Одним словом, современный и, главное, весьма востребованный представитель серии «Новая армада».

Путь ему предстоит неблизкий. Более двух тысяч верст по Волге, Волго-Донскому каналу и Дону до Азова, где запланирована последняя заправка топливом и пресной водой. Потом через несколько проливов и морей до самого Индийского океана. Ну а там уж рукой подать и до порта заказчика-судовладельца, которому надлежит передать новенькое судно.

Итак, ходовые испытания завершены, бумаги представителями сторон подписаны; топливо, вода, провиант и прочие запасы пополнены до необходимых объемов. Случилась, правда, за пару дней до выхода неприятная заминка – три члена экипажа чем-то основательно траванулись. Настолько основательно, что «Скорые» бригады умчали их с сиренами в реанимацию одной из городских клинических больниц.

Начальству пришлось изрядно понервничать и пометаться в поисках срочной замены. Два матроса отыскались быстро, а вот старшего механика с трудом выпросили у соседнего Казанского пароходства.

Сговорились с тамошним руководством. Выпросили. Встретились с единственным свободным от рейсов кандидатом – уговорили на внеурочную работенку.

Привезли. Вот он лениво и вразвалочку шествует вдоль причалов в сопровождении заместителя начальника отдела кадров. Остановились против трапа, посмеиваясь, прощаются. Стармех поправляет на плече ремень объемной сумки и отсчитывает ступеньки, ведущие вверх...

Он относительно молод – тридцать с небольшим; высок и статен, широкоплеч; на голове бобрик коротко остриженных волос; руки, шея и лицо покрыты бронзовым загаром.

Поднявшись по штатному трапу, уверенно ступает на палубу, приветливо здоровается с вахтой; справляется о капитане и идет на мостик – знакомиться и представляться...

* * *

Я на месте. Здесь мне предстоит провести несколько ближайших недель.

Спускаюсь с провожатым матросом с третьей палубы на вторую, где находятся каюты командного состава. Входим в единственный коридор, насквозь «пробивающий» белоснежную надстройку от одного борта к другому и делящий ее две равные половины. В носовой расположены апартаменты капитана с просторной совещательной комнатой и две каюты первого класса

для старпома и второго помощника. Кормовая половина состоит из шести небольших помещений: четырех скромных жилищ для механиков и третьего помощника; крохотной сауны, втиснутой посередине, и радиорубки – крайней каморки по левому борту.

Провожатый матрос открывает мою келью (одну из соседних с сауной) и, отдав ключ, испаряется, так и не проронив ни слова. Удивляюсь настороженности матросов. А вот капитан встретил весьма радушно: пожал при знакомстве руку, приветливо улыбался, предложил кофе...

Переступаю порог, бросаю на пол сумку, оглядываю нехитрое убранство «квартирки». В каюте пусто – вещи моего внезапно заболевшего коллеги отправлены на берег. «Квартирка» представляет собой комбинацию кабинета, гостиной и спальни. Слева – шкаф, за которым скрывается мизерный галльон с умывальником. Рядом с дверью в галльон – холодильник, чуть дальше – кровать. Прямоугольное окошко по центру дальней стены открывает «отменный» вид на основание дымящей трубы; но если высунуться по пояс и глянуть влево, то увидишь кусочек горизонта. Напротив кровати – кресло у письменного стола; над столом что-то вроде закрытых книжных полок. Вот и вся роскошь.

Присаживаюсь на кровать и, подпрыгивая, пробую ее мягкость. Ничего. А точнее – здорово. Поскольку чаще в моей жизни было гораздо хуже.

Однако пора заняться делом – до отхода «Тристана» остается два часа. Вытряхиваю из сумки вещи, быстренько распахиваю их по полкам пустого шкафа. Переодеваюсь в рабочие шмотки и, выйдя из каюты, закрываю дверь на ключ.

Теперь стоит напрячь мозги и вспомнить маршрут движения в машинное отделение, расположенное здесь же – в корме. По словам капитана, там дожидается замещающий третьего механика моторист-матрос, страждущий передать мне хозяйство и ввести в курс дела. Ладно, не заблужусь – во время месячной подготовки к этому рейсу не раз штудировал чертежи и схемы. Сначала надо выйти из общего коридора и повернуть к корме. Там и находится трап, таким винтом нанизавший на себя все палубы сверху донизу. Трапом вниз, вниз, вниз... пока не упрешься носом в обычную корабельную дверь, из-за которой доносятся жуткие децибелы работающей машины.

Придав лицу беспечное выражение, топаю мимо соседних кают. Выхожу, хватаюсь за поручень трапа и приступаю к долгому спуску...

Где-то на уровень ниже главной палубы слышу:

– Шо за ёкало-палкало?! Это кто у нас тут по судну бродит?

Торможу. Замечаю в темном проходе кряжистого мужика лет пятидесяти пяти. Кепка с длинным козырьком на совершенно лысой, бугристой башке; нос запойного олигарха, пышные усы и серая щетина на подбородке; темная футболка с дырой на волосатой груди, потертые джинсы. И в довершение портрета маслом – раздолбанные сандалеты на босу ногу.

Боцман Шмаль. Даже не приходится напрягать память. При заочном знакомстве с членами экипажа по многочисленным описаниям и фотографиям я сразу обратил внимание на колоритную усатую внешность морского волка с короткой звучной фамилией Шмаль.

Вежливо представляюсь:

– Новый старший механик – Глеб Аркадьевич Говорков. Прислан вместо заболевшего.

А вы, простите, кто?

Криво усмехнувшись, мужик передразнивает:

– Простите! Скажите, какие мы интеллигенты!.. С пассажирских, что ли, к нам перекинули?

– Да, из Казани. А вы, судя по всему, боцман?

– Угадал – он самый...

Говорит он хрипло и порой непонятно – с каким-то шипением, присвистом. Приблизительно такие звуки издавала знаменитая голова профессора Доуэля. Приходится наблюдать за его артикуляцией, чтобы разобрать смысл некоторых слов или фраз.

– Ладно, – бросает Шмаль через плечо, – недосуг мне с тобой...

«Волк» исчезает за металлической дверцей, а я дивлюсь здешнему народу и продолжаю спуск в «преисподнюю», как иногда называют машинное отделение. Даже сейчас, когда работает лишь вспомогательный дизель-генератор, обеспечивающий судно электроэнергией, слышится приличный гул. И чем ниже я спускаюсь, тем громче он становится.

На уровне ватерлинии из-под ног брызнула здоровая крыса. От неожиданности едва не оступаюсь.

– Мля! Откуда вы на новой посудине?

Впрочем, крысы – обязательный атрибут любого корабля: и старого, и нового; и военного, и гражданского. Бороться с ними бесполезно – об этом мне рассказывал еще отец. Если не перелезут с берега по швартовым, то будут десантированы в трюм с продуктами или с другим сухим грузом. В основном обитают на нижних палубах, где потемнее, погрязнее и побезлюднее; но иногда голодное любопытство гонит вверх.

Нашел. Вот она – заветная дверца. За свежеевыкрашенным металлом слышится бас вспомогательного движка. Взявшись за длинную ручку, медлю, оглядываюсь по сторонам и ощущаю беспокойство. Через секунду догадываюсь о природе его происхождения: подсознательный дискомфорт появляется оттого, что нахожусь метра на два ниже ватерлинии. И это при пустых трюмах! Случись где большая дырка, и...

Ухмыляюсь своим опасениям: значит, под пулями и осколками бегать не страшно, а утопнуть боязно?

Вхожу в машинное отделение и лицом к лицу сталкиваюсь с высоким парнем в замасленной тельняшке.

– О! Вы наш новый стармех? – расплывается он в широченной улыбке и стаскивает с головы заглушки, спасающие уши от здешнего грохота.

– Верно. А ты моторист?

– Точно.

– Тогда давай знакомиться, – протягиваю руку, – Глеб Аркадьевич Говорков.

– Ряба, – подставляет он для рукопожатия относительно чистое запястье. – То есть Юрий. Юрий Афанасьевич.

Кисть его правой руки не только перепачкана маслом, но и основательно обезображена шрамами от ожога.

– А почему Ряба?

– Фамилия моя Рябов, вот и приклеилось среди матросов.

– Показывай хозяйство...

Спускаемся по гулкой короткой лесенке и лавируем меж исполинских механизмов к закутку со столиком и высоким металлическим шкафом, что стоит по соседству с электрическим пультом управления силовой установкой. В шкафу висит новенькая роба, на верхней полке лежат такие же, как у Рябова заглушки, на нижней – рабочая обувь. Над столом приспособлена пластиковая полочка с рядом фолиантов. Недолго думая начинаю проверку комплектности судовой отчетной и нормативной документации.

– Руководство по технической эксплуатации, журнал распоряжений, журнал приема и сдачи вахт, – со знанием дела тычет пальцем в корешки Ряба.

Дело пошло...

* * *

Сидим, перекуриваем в закутке у столика. До отхода «Тристана» остается час. Киваю на обожженную ладонь:

– Где это тебя так?

– Подстанцию в порту ремонтировал. Током шибануло.

– О как! И сколько же пропустил?

– Грамм или вольт?

Смеюсь:

– И того, и другого.

– Выпил полбутылки. Я вообще много не пью. А шарахнуло вольт триста восемьдесят, не меньше. Кстати, бесплатный совет: протрезвел мгновенно.

– Благодарю.

– На здоровье. А электричество, между прочим, я с тех пор уважаю...

Кажется, в машинном отделении полный порядок. Или почти полный – при моем-то «сумасшедшем» опыте стармеха рановато решать глобальные задачи вроде оценки и приема всех систем и механизмов внушительного по размерам танкера.

Однако деваться некуда. Мне еще предстоит выслушать доклады о техническом состоянии вверенной матчасти от лиц командного состава. Не знаю, что представляют собой эти лица, но пока из всего повстречавшегося на «Тристане» народа самыми обычными и своими людьми показались капитан и моторист Рябов. Юра – незлобивый, простецкий, улыбчивый парень лет двадцати шести. Грамотный и, похоже, не ленивый. А легкое пристрастие к алкоголю – не проблема. Куда большие проблемы зачастую рождают трезвенники и прочие фанаты здорового образа жизни.

– Добро, Юрий Афанасьевич, – тушу окурок, подписываю акт приемки и топаю к лесенке, ведущей вверх.

– Пусть вахтенного моториста поскорее присылают! – кричит он вслед.

– Само собой. Как только поменяют стояночную вахту на ходовую...

Ползу вверх по крутым трапам. На уровне основной палубы решаю сделать остановку – глотнуть свежего воздуха. Толкаю тяжелую дверцу, выхожу и... какая встреча! Согнувшись пополам и усердно работая локотками, драит палубу мой дружок Величко. Да-да, ошибка исключена – наш драгоценный Стасик, ставший на неопределенное время матросом второго класса и заполучив в обязанности самые непрезентабельные во флоте обязанности: швартовку, покраску и уборку судна.

Мне жутко хочется его окликнуть, хлопнуть по плечу и перекинуться парочкой фраз. Но это невозможно: по легенде, мы друг друга не знаем. Он вместе с еще одним новичком данного экипажа – матросом первого класса Валерием Торбиным – прибыл на «Тристан» на сутки раньше меня.

Собственно, наличие на судне двух моих товарищей и было тем единственным условием, которое мне пришлось выдвинуть всемогущей организации в лице Иноземцева. Именно пришлось, ибо другого способа помочь Стасику остаться при деле не видел. Когда чины из ФСБ согласились – моя душенька успокоилась. Остановить запущенный процесс увольнения из армии капитана Величко для всесильной «конторы» ничего не стоило. И за Торбина я больше не переживал: если фээсбэшники возьмут под контроль процесс его излечения – он скоро позабудет о ранении.

Все так и произошло. Мой отпуск закончился гораздо раньше, чем значилось в отпускном билете, – ровно через неделю после знаменательной и обильной до алкоголя встречи с однокашником. Серега привел меня в свое управление, на базе которого производилась подго-

товка к операции, и представил суровому мужику с кустистыми бровями. Тот вызвал парочку таких же не улыбочивых типов, и мы с часок болтали о всякой всячине. В основном, конечно, приходилось отвечать на заковыристые вопросы. Но иногда и слушал, когда дядьки залечивали умные фразы типа: «К сожалению, в мировых центрах власти хватает образованных идиотов и просто дураков, способных привести цивилизацию к гибели...»

Короче, все у нас срослось – фээсбэшников я устроил, и отпуск мой очень скоро приказал долго жить. Баню с отцом отремонтировать не успели; благо, собрали разбросанный до винтика движок «шестерки». Юльку сводил в парк на аттракционы, скоренько собрал вещички, попрощался с родителями и будто бы отбыл по срочному вызову в часть. На деле явился в управление и приступил к теоретической подготовке. Через трое суток ко мне присоединился Величко. Исхудавший от скудного пайка гауптвахты и обалдевший от нелепых вывихов судьбы.

Торбина пришлось ждать дольше. Мы со Стасом перелопатили кучу материала, выслушали множество умных специалистов и вовсю практиковали, путешествуя от Казани до Самары на танкере, схожем по классу с «Тристаном». И только во время стоянки в Ульяновске на борт поднялся наш Валерка. Бледный, пропахший лекарствами, такой же тощий, как Стасик, и растерянный от внезапных перемен. И все же довольный и полный желания отправиться с нашей дружной компанией хоть к черту на рога.

Кстати, первым делом он передал мне привет от одной миловидной особы по имени Ирина. «Ого! – призадумался я. – Значит, она меня запомнила?..»

Глава вторая

Российская Федерация

Волга – Волго-Донской канал – Азов

Судно отшвартовывается от причала завода «Красное Сормово» ровно в назначенный час. Взбеленив носовым подруливающим устройством воду, энергично отваливает от «стенки», оглашает округу протяжным гудком и с неторопливой уверенностью идет вниз по течению...

В соответствии с нормативом минимального состава экипажей самоходных судов смешанного («река—море») плавания на борту «Тристана» присутствуют ровно четырнадцать человек. Капитан и три его помощника; я в новой для себя должности старшего механика; замещающий третьего механика моторист Рябов; электромеханик; пять человек рядового состава, включая боцмана; радист и судовой повар, в просторечье именуемый коком.

Экипаж выглядит сплоченным и дружным. Еще бы! По рассказам сотрудников службы безопасности, под руководством которых нашу троицу готовили к «турне», около года назад команда в полном составе угодила в плен к сомалийским пиратам. В начале прошлого лета парням выпал тяжелый рейс на сухогрузе в южноафриканский Дурбан. Плавание проходило в штатном режиме, покуда на горизонте не появились быстроходные катера с вооруженной темнокожей братвой. Случилось это аккурат на выходе из Аденского залива – у самого острия так называемого Африканского Рога. После часовой гонки и плотного обстрела из автоматического оружия нашим морякам пришлось застопорить ход и сдаться. Ну а дальше стартовал всем известный и хорошо обкатанный сценарий: сухогруз бросает якорь в спокойной бухте; плененный экипаж остается под замком и охраной, а за освобождение выдвигается требование выплатить немалую сумму в долларах или евро. После чего следуют долгие и нервные потуги дипломатов в непростом переговорном процессе.

В конце лета стороны договорились, и судно с командой и грузом было освобождено. Казалось бы, фартовый конец остросюжетной истории налицо, за исключением одной трагичной детали: при невыясненных обстоятельствах погиб радист. Остальные моряки и их родственники счастливы, судовладелец с грузополучателем тоже не в обиде, ведь финал мог бы оказаться куда печальней.

Однако аналитикам из ФСБ кое-что в продолжительной эпопее с захватом и выкупом показалось подозрительным.

Во-первых, всего за час до нападения на сухогруз из Аравийского моря в Аденский залив проследовал караван судов под прикрытием фрегата ВМС Франции. А ровно через полтора часа после захвата в обратном направлении вышел военный корабль Королевских ВМС Дании. Как пираты умудрились вычислить выгодный момент для нападения в крохотном по морским меркам промежутке времени – загадка.

Во-вторых, сигнал о нападении пиратов был послан в эфир лишь спустя тридцать минут от начала погони. Благодаря этой задержке загорелые сомалийские разбойники успели осуществить захват и благополучно увести сухогруз из-под носа датских военных моряков. А ведь те, получив сигнал, без промедления сменили курс и устремились на помощь.

И последнее. Люди из освобожденного российского экипажа вроде бы выглядели соответствующе: уставшие, оборванные, с трясущимися руками и расшатанными нервами. Однако при этом большинство сотрудников ФСБ сходилось во мнении, что назвать их похudevшими или изможденными не поворачивается язык. В этом тоже была определенная неувязка. И действительно, с какой стати рядовые исполнители, являясь самым низшим и бедным звеном в организованной цепочке пиратского беспредела, будут щедро кормить пленников? Ради испол-

нения буквы Женевской конвенции? Они и не слыхивали о такой. Из боязни международного правосудия? Да плевать они на него хотели!..

Вот и появились у офицеров из «конторы» нехорошие мыслишки о причастности команды к происшествию близ берегов Сомали. Возможно, не всей команды, а нескольких ее членов, способных осуществлять связь с пиратами и управлять судном.

Не имея фактов и прямых улик, обвинять моряков в преступном сговоре с пиратами никто не собирался. Тем более что капитан Кравец слыл любимчиком портового начальства, по праву пользовался громадным авторитетом, да и просто производил впечатление приятного, образованного и обаятельного человека. И все же сотрудники службы безопасности решили проверить команду «на вшивость» – чем черт не шутит? По возвращении в Россию дали возможность подлечиться и основательно отдохнуть; вновь закрепили приказом в едином экипаже; назначили на готовящийся сойти со стапелей танкер и провели стандартную подготовку к предстоящему дальнему плаванию. Ну а для внедрения своих людей за пару дней до отхода элегантно устранили старика стармеха и двух молодых матросов. Тут же обозначили одесский шум, похожий на работу в поисках экстренной замены.

И вот мы со Стасиком и Валеркой на «Тристане». Выполняем прямые обязанности согласно штатному расписанию, а заодно ломаем голову над главной задачей: пытаемся выявить незримую связь между командой и корсарами Аденского залива.

* * *

Жизнь на танкере идет своим чередом. Машины исправно пыхтят и выдают требуемую мощность, вахты сменяются в назначенный час, «Тристан» резво рассекает форштевнем волжскую волну...

В первый же день путешествия любуемся на утопающие в зелени Чебоксары, а ночью – на залитый золотистым светом Казанский кремль. Повторяя изгибы русла, подворачиваем на юг, подходим к Ульяновску. Следующей ночью кружим по Самарской излучине, а к полудню оставляем справа по борту многоярусную набережную Саратова. И ровно через двадцать часов подходим к растянувшемуся на полсотни километров вдоль правого берега Волгограду. В южной оконечности города-героя аккуратно вписываемся в Волго-Донской канал – непривычно узкий после необъятных волжских просторов. Я торчу на палубе – фиксирую в памяти знаменательный момент. Вдруг моя мечта устроиться на круизный лайнер никогда не воплотится в жизнь?..

Все эти дни мы с Торбиным и Величко втихую присматриваемся к морякам, а те, в свою очередь, осторожно наблюдают за нами. Стараемся не допускать ошибок, не выделяться из общей массы и избегаем открытого общения друг с другом, свято следуя легенде и заученным инструкциям. Вызывать подозрения у кого-либо из команды мы не должны, ибо у капитана имеется право «в случае необходимости отстранять от исполнения служебных обязанностей любого члена экипажа, списывать его с судна и отправлять в порт приписки при первой возможности». Без меня ему не обойтись: плавать без стармеха на борту запрещено, искать же замену – канительно и долго. А с матросами разговор короткий. Вот и приходится уподобляться шпионам: встречаться в «курилке» (на юте) или в лабиринтах надстройки и быстрым шепотом обмениваться добытой информацией.

Информации катастрофически мало. Можно сказать, ее нет совсем.

Велик занят под заглушку: драит палубу, чистит шпигаты, ремонтирует штормовые портики, занимается покраской и прочей «интеллектуальной» деятельностью. Общается в основном с рядовым составом, в лучшем случае – со старшим помощником капитана, контролирующим качество приборки. Иногда он слышит от матросни обрывки рассказов о прошлогоднем приключении, но все разговоры из этой серии сводятся к воспоминаниям острых моментов

тов вроде попытки танкера уйти от пиратской погони или словесной перепалки с каким-нибудь чернокожим флибустьером из-за кружки пресной воды.

Должность Торбина на полплинтуса выше – он матрос первого класса и тоже загружен по обе ноздри. Обязанности имеет схожие с Стасом, за исключением одной приятной мелочи: вместо грязных танцев со шваброй ему вменяется нести вахту на руле. Подобная привилегия позволяет периодически подниматься в ходовую рубку и любоваться VIP-персонами «Тристана»: капитаном или его помощниками. Однако и это пользы не приносит – начальство о сомалийской эпопее не произносит ни звука, словно дало зарок или подписку о неразглашении.

«Ничего, – подбадривает меня внутренний голос, – просто в узкости фарватера и в речной тесноте отвлекаться на посторонние разговоры им некогда. В море трассы пошире, вахты поспокойнее – может, там и прорвет...»

И мы терпеливо ждем случая, ибо ничего другого не остается.

* * *

При подходе к порту Азова, где «Тристан» должен сделать остановку для приема топлива и пресной воды перед выходом в открытое море, мы уже частично освоились и в состоянии дать общие характеристики всем членам экипажа. Благо, их не так много.

В принципе заочно и по бумажным анкетам мы знакомы со всеми. Но, как говорится, буквы – одно, а общение с живым образом – совсем другое.

Итак, начнем с одной из самых уважаемых на флоте персон – с кока. Нашего повара величают Марк Наумович Литвак. Воистину нет такого предмета, который не стал бы для еврея фамилией, а для китайца едой. Тучный, проворный мужичок сорока пяти лет с гладкой наружностью, виноватым взглядом и отличными способностями разнообразно и вкусно готовить из стандартного запаса продуктов. Элементарно организует мелкую кражу тушенки или недовес свежих фруктов, но на такие подвиги, как «участие в вооруженном захвате судна», не способен.

Кандидатуры двух матросов нами сразу отбрасываются: ленивы, соображают через раз и отчаянно любят посидеть в обнимку с зеленым змием под слащавое безголосье «Блестящих». Либо не при делах, либо состояли в доле, но использовались на подхвате.

Радист Анатолий Антипов. Об этом человеке известно немного, ибо он замкнут, неразговорчив, нелюдим. Впрочем, эти качества скорее связаны с хобби – в радиорубке замечены два работающих ноутбука. Антипову около тридцати лет; высок, слегка худощав. Влился в экипаж около двух месяцев назад. До «Тристана» успел поработать на судах, приписанных к портам Самары и Астрахани. К происшествию годичной давности он точно не причастен, ибо в тот момент находился под Ярославлем.

Электромеханик Сергей Сульдин вызывает определенный интерес. Хороший специалист, не пьет, неплохо развит физически, с начальством накоротке. Сразу видно, что хитер и непрост, в разговорах с нами всегда предельно осторожен. За этим типом стоит понаблюдать.

Впрочем, как и за товарищем боцманом. Анатолий Шмаль перемещается по судну сообразно призраку и вырастает из-под земли в самых неожиданных местах. Пару раз я сталкивался с ним в машинном отделении, где он якобы проверял вахтенного матроса, хотя в его обязанностях проверки не значатся. Анатолий Васильевич крайне подозрителен, а с низшими чинами команды груб до безобразия. Поговаривают, будто иногда он пускает в ход свои здоровенные кулаки. Никогда не улыбается и не смеется.

– Уж кто-кто, а Шмаль, определенно, должен быть в курсе всего происходящего на судне, – единогласно постановляем мы.

Моторист Юрий Рябов постоянно у меня на виду, и за те пятеро суток, что мы колупались от Нижнего до Азова, я изучил его достаточно для исключения из списка подозреваемых. Что делать – война и долгие годы в армии научили меня живо разбираться в людях. Однако с

выводами я не тороплюсь – решаю испытать подчиненного в экстремальных условиях, когда из человеческого нутра норовит вылезти все: и глянec, и дерьмо.

Третий помощник капитана Владимир Липинский работает на судах третий год. Штурман. Белая кость. Тихий и незаметный интеллигент. Кроме ходовой рубки и кают-компании, мы его нигде и никогда не встречаем.

– Вряд ли. Молод, дисциплинирован. И слишком избалован, – усомнился я, переговаривая с Торбиным в тихом коридорном закутке.

– Знаешь, сколько таких послушных и молодых сейчас «отдыхает» по тюрьмам? – не соглашается он. – Лучше присмотреть...

Второй помощник капитана Равиль Ишкильдин – мой ровесник. Низкорослый, смуглый брюнет, любящий пошутить или отпустить остроту. Большая часть его обязанностей касается груза, коего в трюмах и танках «Тристана» нет. Поэтому Ишкильдин частенько торчит на вахтах в ходовой рубке или подменяет старшего помощника в руководстве палубной командой. Вряд ли кто-то сумеет организовать в небольшом коллективе преступный заговор, способный остаться вне поля зрения второго помощника. Да и сам он вполне способен стать организатором сдачи судна пиратам. Сохраняем эту темную личность в списках неблагонадежных.

Старший помощник капитана Борис Скобцев – справно исполняющий свои обязанности простоватый дядька пятидесяти лет. Когда-то он был грамотным, энергичным специалистом, что позволило быстро дорасти до старшего помощника. Однако вместо капитанских нашивок Скобцев выбрал пьянство с почти запойным образом жизни, в результате чего лишился семьи и едва удержался в плавсоставе. Но опомнился. Переболел. Остепенился. Да вот беда – природу не обманешь: алкоголь быстренько превратил симпатичного и удачливого моряка в вялого, медленно соображающего, уставшего от жизни субъекта.

Единогласно постановляем:

– Этот ведущим звеном в сговоре с пиратами быть не может. Максимум – исполнитель второстепенных ролей.

И наконец, капитан «Тристана» – Александр Александрович Кравец. Вежливый, интеллигентный, ладно скроенный мужчина сорока восьми лет. Одевается опрятно и даже с некоторыми элементами морского шика, предпочитая в форме исключительно белые цвета. Прошел все ступени командного состава, начиная от третьего помощника капитана; окончил Волжскую академию водного транспорта. Знаний и опыта хоть отбавляй. В общении с экипажем даст фору любому дипломату: умеет вовремя пошутить или настроить на авральную работу, а при необходимости легко добавит в голос железных ноток. Авторитетен и пользуется в экипаже огромной популярностью. Если бы не уверенность сотрудников ФСБ в невозможности утаить заговор в команде от профессионала такого высочайшего класса, как Кравец, то мы ни секунды не сомневались бы в его честности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.